

Мария Фомальгаут

*Росток
Имболка*

Мария Фомальгаут

Росток Имболка

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Росток Имболка / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850167-8

И осень седая проклюнулась, И солнышку быть не судьба, И по вечерам
в полнолуние В три бара заходит трибар. В сияющем зале показывается Среди
подуставших зевак, Он виски и бренди заказывает И старый французский
коньяк.

ISBN 978-5-44-850167-8

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Наш замок	6
Лететь	7
Увидеть Катю	13
Нога, которой нет	19
Учебник иностранного языка	22
Росток Имболка	27
Невозможность времени	30
Ква-отряд	38
Октопус	45
Не наша не Таня громко плачет	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Росток Имболка

Мария Владимировна Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Владимировна Фомальгаут, 2017

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0167-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наш замок

Мы жили в прекрасном старинном замке, в котором хватало места нам всем.

Наш замок висел на двери, иногда поскрипывал от ветра.

Иногда в замок приходили новые люди, стучали в ворота – мы впускали их, наливали глинтвейн, подогревали ванну с шампунем и отводили гостям комнату.

В нашем замке было отверстие для ключа.

По вечерам в замке зажигали свечи и устраивали веселые танцы.

Однажды наш замок сломался. Мы позвали мастера.

Мастер пришел и спросил:

– Что у вас за замок?

– Мы не знаем, – сказали мы.

– А не знаете, так как я вам его чинить должен? Если это замок, который висит на двери, я развинчу его отверткой, если это замок из камня, я возьму камень и цемент. А так – что же мне взять?

Мы не знали.

И мастер не знал.

И ушел ни с чем.

Лететь

Сегодня метель.

Сегодня, это когда? Это сегодня сегодня. Тридцать седьмого дня лунного месяца.

Метель.

То есть, метель, это не просто сегодня метель, это такая метель, что всем метелям метель, когда у-у-у-у-у-у-у! – снег воет, кружится, и у-у-у-у-у! – снежинки летят, и ветки летят, и деревья летят, и дома летят, и луна летит то вверх, то вниз, заблудилась луна, и повозки летят... не-ет, повозки не летят, в такую погоду никто из дома носу не высунет, повозки в теплых сараюшках спят, а люди у очагов греются, пьют кофе, рассказывают сказки...

И метель в метели летит, сама метель в метели заблудилась, у-у-у-у-у, летает туда-сюда, ищет выход из самой себя, не находит...

А это что?

Никак повозка едет...

Да нет, быть не может, откуда повозки в такую погоду, повозки до... а вот нет, летит повозка то вверх, то вниз, кувыркается в бесконечной метели, ищет дорогу, которой нет.

Машет экипаж перепончатыми крыльями.

Качается на экипаже единственный фонарь, второй уже улетел, потерялся...

Чу! Показалось... нет, не показалось, вот он, огонек, мерцает вдалеке.

Закоченевший возница направляет экипаж к огоньку, ну давай же, крыльями, крыльями маши, ну, родной, ну, еще...

Экипаж беспомощно взмахивает крыльями, кувыркается в метели.

Огонек меркнет.

Исчезает.

Экипаж мечется среди снега, возница обреченно опускает вожжи, – спасения нет...

Снова огонек – тусклый, робкий – экипаж несется к нему, рассекая пелену метели...

Закоченевший экипаж прибивается к крыльцу, закоченевший возница стучит в тяжелые двери.

– Кто это в такую погоду?

Это отец семейства. Недоволен отец семейства, в такую-то погоду добрые люди по домам сидят, а тут на тебе...

– Пусти его... пусти!

Это мать семейства. Волнуется, кто там замерзает на улице в такую ночь.

Отец семейства сомневается, наконец, спохватывается:

– А-а-а, привез, наконец-то!

И Рамья подскакивает, хлопает в ладоши:

– Привезли! Привезли!

Распахиваются тяжелые двери – и верно, входит гонец, несет тяжёлые короба, сгибается под их тяжестью.

– Привез... наконец-то, – кивает отец семейства, – ну давай... распаковывай...

И оглядывается воровато, не видит ли кто из слуг, а то мало ли...

Гонец распаковывает коробы, отец семейства наклоняется, вынимает товар, спохватывается, передает благоверной своей, это тебе вышивание приехало... снова смотрит в короб, вынимает шкатулку, принимает, и-э-э-э-х-х-х, знатный табак...

Рамья ждет.

Ничего не происходит.

Рамья осторожно напоминает:

– А... а мне?

– Ах да, вам, добрая госпожа... – курьер ищет что-то среди коробов, бледнеет, – странно... ничего нет...

Рамья заливается слезами:

– Потерял, потерял!

Отец семейства пытается успокоить дочь:

– Что ты, в самом деле, окстись, человек в такую погоду доехал, а ты...

Экипаж гонца хлопает крыльями в сараюшке, волнуется. Гонец бросается в сараюшку – так и есть, вот и последний короб в экипаже стоит, где товар для Рамьи припасен.

– Вот он... вот она, посылка ваша...

И Рамья посылку открывает, волнуется.

И верно, дошла посылка, вот она, книжица в золотом переплете, Любовь Розы называется.

И гонца к столу ведут, кресло ему ставят поближе к камину, отрезают ножку крылопатки, наливают гостю вина.

И Рамья книжицу открывает, читает – эта история началась в темную полночь в месяц луны, когда одинокий всадник на горной дороге увидел в окне высокой башни силуэт молодой девушки – и сердце его вспыхнуло любовью...

– Рамья, гости!

Рамья отрывается от книги, не понимает – как гости, почему гости, откуда гости. Да быть не может, чтобы в такое время гости, время-то какое, сезон метели, когда снег летит, деревья летят, дома летят, все летит, и когда еще успокоится...

А вот – гости.

А бывает так, летают-летают дома, и р-раз, – друг к другу прибились.

Тут уже хочешь, не хочешь – а надобно в соседний дом наведаться с визитом, а то мало ли что подумают.

Вот так и случилось, прибилась к дому высокая башня, жуткая, страшная, и кто-то в ней живет...

А вот и гости.

И Рамья хлопочет, гостевое платье примеряет, украдкой в гостиную смотрит, где гости – вот они, гости, странные, чудные, щелкают по паркету когтистыми птичьими лапами, поправляют крылья за спиной.

Их трое. Хозяин башни, супруга его, и сын их, молодой парень, недавно выучился на кого-то там, даже диплом получил.

Рамья смотрит на гостя.

Сердечко бьется часто-часто.

Мир переворачивается.

– Ты готова, Рамья?

– Ах, нет, маменька, нездоровится мне сегодня...

Рамья делает вид, что уходит в спальню, а сама скрывается по коридорам, по коридорам, по коридорам, смотрит на гостя, вот он, сидит за фортепьяно, наигрывает причудливую мелодию, которая сейчас в моде там, у них, и мать его восхищенно квохчет, ах, какой талант, и отец сокрушенно качает головой, да что за музыка нынче пошла, то ли дело раньше, сыграл бы лучше что-нибудь из давнишнего...

Рамья смотрит украдкой, тихохонько перебирается к другой двери, оттуда лучше вид...

Чу!

Рамья сталкивается в коридоре с гостем.

Замирает.

И гость замирает.
У Рамьи сердце обрывается.
И у гостя сердце обрывается.
Рамья бледнеет.
И гость бледнеет.

А за окнами метель.

Отец семейства хватается за голову:

– И даже слышать не хочу... смеешься, что ли, душа моя?

Рамья всхлипывает:

– Но, папенька!

– Что папенька, я осмнадцать лет как папенька... даже не проси, кто ты, а кто он...

– Но папенька!

– И речи быть не может...

Рамья заливается слезами, бежит прочь из комнаты.

Отец семейства раскуривает трубку, эх, знатный табак. Ничего, поплачет дочка и успокоится, поймет, что родители добра ей хотят... вот, мать семейства тоже по молодости за какого-то чужака выйти замуж хотела, а потом ничего, смирилась, забыла, теперь сама над этим смеется...

Рамья сидит в спальне, слезы утирает, читает роман, Любовь В Свете Луны, называется. ...и тогда Глюримэль сказала своему возлюбленному – мой бесценный друг, если родители против нашей любви, то нам остается только убежать и тайно обвенчаться под покровом ночи...

Рамья читает.

Перечитывает.

С замиранием сердца спускается в сараюшки, где стоят экипажи, прижимается к своему экипажу, хороший у Рамьи экипаж, Уголёк, всё понимает...

– А Рамья где?

– Вроде спать уже легла, нездоровится ей...

– Надо бы проведать, как она там...

– Рамья! Золотце моё! Рамья?

– Что такое?

– Рамья пропала! Рамья!

– Две цены.

– И за три не полечу, не просите даже.

Старый дракон прислушивается к обрывкам фраз, топорщит уши.

– Пять цен.

– Добрый господин, в такую погоду вам никто и за десять цен не полетит.

Старый дракон просыпается.

Смотрит.

Молодой парень ходит по таверне, то к дойному дракону, то к другому, спрашивает что-то...

Старый дракон тянет к парню массивную голову на дряблой шее:

– Что надо-то?

Парень называет адрес.

Старый дракон думает.

Называет цену. Все в таверне ахают, ишь, загнул, да за такие деньги можно всю столицу купить...

Парень кивает:

Ну, половину сейчас отдам, половину как долетим.

А в таверне все снова ахают.

Метель.

Такая метель, что всем метелям метель, что бывает только в месяц метели, когда снег летит, и звезды летят, и луна летит, и дома летят, и метель заблудилась сама в себе, не находит выхода.

И дракон летит.

Ищет храм, не находит, да где его ветер носит, этот храм...

– На что тебе храм в такую непогоду...

Это дракон говорит.

– С девушкой я с одной обвенчаться должен...

– Куда ж венчаться в такую непогоду...

– Ты лети, давай, поторапливайся!

– Да какое же поторапливайся, не видно же ничего!

Машет дракон крыльями, слабее, слабее, ничего не видит перед собой, не видит, куда летит...

Светает.

Виднеется впереди храм.

Парень стучит в закрытые ворота.

Дракон ждет, надо бы парню про деньги напомнить, только не сейчас, сейчас сильно зол парень, что-то случилось там, спорит с кем-то, срывается на крик, как уже уехали...

– Я вас слушаю.

Спец говорит – я вас слушаю.

И улыбается.

Это его так учили, когда пациент приходит, говорить – я вас слушаю.

И улыбаться.

Про себя оценивает, мужчина, лет тридцати, должно быть, офисный работник, хотя у такого и своя фирма уже может быть...

– Понимаете... я женат.

Спец кивает. Так. Женат. Сейчас начнется, кризис среднего возраста, хотя до него рановато еще, любовь ушла, быт остался, или любовницу себе нашел помоложе, или он хочет детей, она не хочет, или она хочет, он не хочет, или...

– Я женат уже пять лет... и не знаю, на ком.

– В смысле?

– Понимаете... это было однажды... в метель. Я в столицу полетел по делам, в Интернете еще утром посмотрел, что метель намечается, ну так мы же умные, мы же плевать хотели на предупреждения... вот, флаер взял, полетел... а тут метель. Сильная такая... ни черта не видно, навигатор с ума сходит, думал всё, хана... и тут вижу, огонек мерцает... крохотный такой... думал, деревушка там какая, или что, флаер туда направил, еле долетел... смотрю, а там храм стоит... причудливый такой... как в сказках... никогда такого раньше не видел...

– Вы верующий?

– Ну... как вам сказать... может, есть что-то такое... высшая сила какая-то... ну... – смеется – на Пасху куличи ем...

– Храм... и что же?

– Ну вот, подлетаю я к храму... еле добрался до него. Иду на крыльцо, тут меня люди под руки подхватывают, давайте, скорее, скорее, мы вас заждались уже... Я закоченел к черту, зуб на зуб не попадает, иду за ними, даже сказать ничего толком не могу... Ставят меня к алтарю, рядом девушка стоит... ритуал какой-то начинается... я даже не сразу понял – венчание...

– Вы знали эту девушку?

– Да нет, то-то и оно... потом священник говорит – поцелуйте невесту, а я даже сказать не могу, что я вообще тут случайно, – всё как во сне. Девушка смотрит на меня, визжит – ай, не он, не он – и хлобысь в обморок...

– А вы?

– А я к двери кинулся... говорю вам, всё как во сне было, прыгаю во флаер, и полный вперед...

– Интересно-интересно... так что же вы от меня хотите?

– Понимаете... я эту девушку найти хочу...

– Ну, для вас же этот обряд не имеет никакого значения... да и у них тоже... думаю, есть какой-нибудь обряд развенчания...

– Да нет, вы не поняли... люблю я её, понимаете...

– Ну, вы же ничего про нее не знаете, так что о любви говорить рано... вы создали в своей фантазии образ...

– ...да никакой не образ, люблю я её, и всё!

– Так что же вы...

– Как мне её найти?

– Ну, что я вам могу сказать...

– Вы мне не верите? Думаете, я всё это выдумал, да?

– Ну, отчего же... я тоже верю в параллельные миры, думаю, есть что-то такое... может, и правда, весь год миры сами по себе, а в месяц метели всё перемешается...

– И как мне её...

– Гхм... а вы к эзотерикам не обращались?

– Да что они понимают, эзотерики эти...

– Тоже верно...

– А ещё позже позвонить никак не могли? Ничего, что все добрые люди спят уже?

– Тут дело такое...

– Да хоть бы извинились, что ли, в час ночи звонить!

– Да некогда... тут ко мне клиент приходил, такое сказал...

...выявить порталы в другие миры, уничтожить тех, кто контактировал с представителями других цивилизаций...

– Вы поможете мне её найти?

Смотрю на молодого мужчину, думаю, как бы сказать помягче, что...

– Вы понимаете, что вам прятаться нужно?

– Мне? Прятаться?

– Ну, конечно... вас же убьют, если найдут...

– Ну, это понятно все, вы мне скажите, как мне девушку найти?

– Вы за себя не боитесь?

– И за себя боюсь... и за неё тоже боюсь. Так вы мне карту параллельных миров дать можете?

– Ага, так я вам секретные данные и раскрою... у меня самого к ним доступа нет... да и не поможет вам карта эта, в метель же всё с ног на голову перемешивается... а не в метель вы другие миры и не найдете...

– Ну, хорошо... так пойду...

– Куда вы так пойдете?

– Куда... девушку искать...

Хлопает дверью, прыгает во флаер, хочу окликнуть его – не окликаю, не успеваю...

Тают в метели огни флаера.

Сегодня метель.

Да не просто метель, а такая метель, что всем метелям метель.

Снег летит.

Дома летят.

Повозки летят, подхваченные ветром, – которые не успели добраться до дома.

Всё летит.

И метель сама летит, заблудилась в метели...

Увидеть Катю

– А можно мне Катю увидеть?

Капитан, наконец, вспоминает про меня:

– Чего говорите?

– А Катю можно увидеть?

– А комп занят, погоди.

Откашливаюсь:

– Да нет... вообще увидеть.

Капитан присвистывает. Хочет сказать – этого еще не хватало. Не говорит.

– М-м-м-м...

Продолжаю наступление:

– Мне отпуск полагается.

– Очень рад за вас... в отпуск-то мы вас отправим, а вот насчет Кати...

Снова атакую:

– Имею право раз в пять лет.

– Ми-и-ил человек, ничего, что война идет?

Хочу сказать, что у них всегда война идет.

Не говорю.

Таких слов мне уже не простят.

– Ладно... поговорю с начальством...

Хочу напомнить капитану, что он-то здесь и есть начальство, начальственное некуда.

Не напоминаю.

– А мы всегда-всегда будем вместе.

Это Катя говорит.

– А мы никогда-никогда не расстанемся.

Это я говорю.

Нам пять лет. Может, больше. Может, меньше. Неважно.

Теперь это уже неважно.

А Катя говорит:

– А давай так: а мы жили в королевстве, а там кто скажет, что никогда-никогда не расстанется, тот навсегда расстанется.

– Это еще зачем?

– А чтоб интересно было.

– Ну во-от еще!

– А это злой король придумал, а мы его победим, и снова вместе будем...

А кто скажет, что никогда не расстанется, тот расстанется навсегда.

Это игра такая.

Нет, не игра.

А по правде.

– ...атакуют...

До меня долетает обрывок фразы:

– Атакуют.

Уже неважно, кто атакует, кого атакует, главное – атакуют.

А нет, важно, кого:

Нас.

Иду на пост. Это я тоже знаю, когда атакуют, надо идти на пост.

– Почему не на посту?

Это капитан.

Развожу руками:

– Так я... на посту.

– Ну, давайте... слушайте, что там.

Слушаю, что там.

Слышу Катю. Пробую её голос на кончике души. Слы-шу-ка-тю. Катя простыла. Это я тоже слышу, что Катя простыла, горло как будто обжигает раскаленный наждак.

Катя плакала ночью. Это я тоже знаю. Осталось понять, из-за чего плакала, а вот этого я вообще за сто лет не пойму, Катя, она такая, да все кати, они такие...

– Ну что там?

– Смотрю на капитана, вспоминаю, кто я и что я.

– А... тревожно у них как-то...

Капитан фыркает:

– Еще бы у них не тревожно было.

– Да нет... как-то по-особенному тревожно... а вот, окружили их.

– К-кого? Станцию их окружили?

Присматриваюсь. Сглатываю. Говорю:

– Нет... всю колонию.

– Да... д-да ты ч-чего? Ах ты...

Капитан хочет наброситься на меня, а я-то тут при чем, или у нас уже как в старые добрые времена гонцам с плохими вестями головы рубят...

– М-м-м... количество боевых единиц?

– Гхм... около двухсот.

– Что значит, около, что вы мне вокруг да около? Точную цифру давайте...

– Откуда я точную цифру возьму, нам враги не докладывают, сколько у них единиц!

– Также верно... – капитан задумывается, – ну... хорошо. Молодец вы... молодец.

Повторяю:

– А... можно Катю увидеть?

– Ну, хорошо, хорошо... поговорю я... увидите свою Катю...

– ...а как это вообще работает?

– Ну, вот вы понимаете, о чем вы меня сейчас просите? Вот вы меня сейчас просите непосвященным людям без образования объяснить взаимодействие частиц.

– А может, все-таки попытаетесь?

– Угу, попытка не пытка... нет, не умею я с людьми работать, не умею, вы поймите, одно дело в лаборатории работать, другое дело, научно-популярные книги писать... Ну вот... есть такие парные частицы, если состояние одной частицы меняется, тут же меняется состояние второй частицы.

– Интересно.

– Ну и вот... вы понимаете, как бы далеко частицы не были друг от друга, они всё равно друг друга почувствуют. Вам это ни о чем не говорит?

– Любовь...

– Я так и думал, что вы так ответите... уж не знаю, любовь там или что... только получается, что частицы взаимодействуют быстрее скорости света.

– У света появился серьезный конкурент...

– Да в понимаете, что этого вообще не может быть, что это все законы вселенной нарушены?

– Да-а, похоже, придется арестовать кого-то за нарушение законов.

– Этим открытием заинтересовались военные, они хотели создать передатчик, который будет ловить и пересылать информацию на бесконечно большие расстояния.

– И как мы понимаем, им это удалось.

– Да, при моем непосредственном участии.

– И можно поинтересоваться, как именно устроен этот передатчик?

– Боюсь, уважаемые телезрители не поймут.

– Уверяю вас, наши телезрители смотрят не только развлекательные ток-шоу типа «Худший из худших». И прекрасно поймут.

– Видите как... эта информация засекречена.

– Значит, вы не можете сказать нашим уважаемым зрителям, как работает передатчик?

– К сожалению, нет.

– А я могу. Мы все можем сказать, что или, вернее, кого вы использовали...

– Кого?

– Да, кого... вы арестованы.

– Но... это невозможно, вы не имеете права...

– Ма, а сёдни чё было-о-о-о!

– Опять с Туевым подрался?

– А не-е-е-е! А к нам дяди и тети приходили... а они с нами играли, а кто мысли другого прочитает... а я катины мысли все прочитал... и она мои... а нам пятерки поставили...

– Ну, молодец, молодец...

Подскакиваю во сне.

Ору.

Бросаюсь в каюту капитана, впотьмах налетаю на вахтенного, даже не вспоминаю, что нужно одеться...

– Ну что такое? – капитан оторопело смотрит на меня.

– Мне... мне страшно.

– И чего, мне тебе сказку на ночь почитать или колыбельную спеть?

– Да не-ет... я чувствую её страх.

– Чего у них там опять?

Прислушиваюсь, чего у них там опять.

Понимаю.

Мир переворачивается.

– Она... в плену.

– Колония разрушена?

– Нет... Катю в плен взяли... и ещё пятерых...

– А колония?

– Жива колония... жива...

– Ну вот и хорошо... а то вы меня до инфаркта доведете... Ну что вы на меня так смотрите, найдем мы вашу Катю... сами знаете, своих не бросаем...

Знаю.

Бросают.

– Аллю? Да? А Тиму? А Тима дома, да... а-а-а... да-да, сейчас...

Это мама по телефону.

А я в школу собираюсь.

– Тимочка... за тобой сейчас заедут...

– Дядя Петя?

– Да нет... за тобой из министерства там из какого-то заедут...

– А школа?

– А в школу не пойдешь.

– Ур-ра-а-а-а!

Да тише ты, бабушку разбудишь...

Топ-топ-топ – по лестнице, топ-топ-топ – на первый этаж, хлоп-хлоп дверью, скрип-скрип – снегу навалило на крыльцо, бегу к машине, вот она стоит, большая, черная...

Прыгаю в машину.

– Тимка!

Это Катя.

Едем.

– А машина правительственная?

Это я.

– Ага, парень, правительственная.

– А нам черную икру дадут?

– Ага, парень, целое ведро дадут.

– Да чего ты ему врешь, откуда там ведро...

– Ну, ведро не ведро, а тарелку с икрой найдем...

И Катя:

– Фу-у-у, икра, а я рожок хочу фисташковый!

– И рожок будет тебе... фисташковый...

– Это вы специально сделали!

Ору на капитана. Первый раз в жизни. Ору. На. Капитана.

– Что... что сделал?

– Да вот же... вы допустили... чтобы её похитили... враги...

– Ну что вы говорите такое...

– То и говорю! Вам надо было, чтобы она у врагов оказалась, чтобы она передавала мне, что там у врагов делается! Вот так вы своих и не бросаете...

Интересно, что он мне ответит...

А я не знаю, что он мне ответит.

Потому что я никогда ему ничего такого не скажу...

– Меня... меня казнили...

– Да. Вас казнили.

– Нет... еще не казнили... если я тут сижу.

– Нет. Вас уже казнили. Вы помните, за что вас казнили?

– Это... это секретный проект.

– Уже не секретный. Вы помните, за что вас казнили?

– Помню... долго объяснять... две частицы...

– Вы можете продолжать работу?

– Она под запретом...

– Уже нет. Так вы можете продолжать работу?

– Это зависит от множества факторов... в частности...

– Об этом с нашим помощником поговорите...

– Но... почему я живой?
– Об этом тоже с помощником поговорите... вставайте, вставайте... иди-то можете?

– Ну что у них там?

Это капитан спрашивает.

Прислушиваюсь.

Всё обрывается в душе.

– Она... она мертва.

– Катя твоя?

– Катя...

Снова прислушиваюсь, не понимаю, что-то, что-то...

– Я... я её больше не слышу.

– Так, вы мне тут не выпендривайтесь, давайте, слушайте...

Снова мотаю головой.

– Не слышу.

Капитан грохает кулаком по столу, я даже не вздрагиваю:

– Вы мне диверсию устроить решили или как?

– Да ничего я вам не решил устроить, говорю вам, не слышу!

– Что. У вас. Случилось.

Он говорит тихо, неуверенно, делает паузы, большие, длинные, движется тоже неуверенно, как будто боится собственного тела.

Смотрю на него. Вспоминаю. Это лицо я видел на фотографиях с короткими подписями, – проводил исследования... арестован... казнен...

– Что. У вас. Случилось.

Отвечаю:

– Я не слышу Катю.

– Катя это...

– ...половина моя. Вторая.

– Интересно-интересно... пятый случай за неделю...

Хочу заорать – вам интересно, а я Катю не слышу.

Не ору.

Лес пахнет черникой.

– А мы всегда будем вместе...

– Всегда-всегда.

– А мы никогда не расстанемся.

– Никогда-никогда.

– А давай так играть, а королевство такое было, там кто сказал, что никогда не расстанется, тот навсегда расстанется...

Здесь надо бы еще вспомнить что-нибудь. Про неё. Про меня. Про нас. Только ничего не вспоминается, вернее, вспоминается, только всё какое-то не то, разговоры какие-то... ни о чем... Ну, вот однажды... Да мало ли что там было однажды, ничегошеньки не вспоминается такого, чтобы было о чем рассказать...

Капитан показывает на меня.

– Когда он услышит Катю?

Ученый мотает головой:

– Никогда.

Ученый... а ведь у него есть имя. Имя, дата рождения, дата смерти, дата воскрешения, биография, ученая степень, увлечения, любимые книги... Только я не знаю его имени, ничего про него не знаю. Кто сюда попадает, у того уже нет имени, ничего нет. И Катя была не Катя, а объект номер два, это я всех приучил Катю Катей называть...

– Никогда.

Капитан кипит и клоочет:

– Я вам за что плачу?

– Да вы мне хоть миллион заплатите, ничего мы не сделаем... никогда он не услышит

Катю.

– А раньше как слышал со скоростью света или как оно там?

– А никак.

– В смысле... никак?

– В смысле. Тут, понимаете... два варианта может быть... что он угадает мысли катины...

или не угадает.

– Ну, может быть.

– Ну и вот... каждый раз действительность расходится на два варианта... но существовать может только один вариант, где два человека, две частицы почувствовали друг друга...

– Так, вы мне мозги не парьте, давайте уже ближе к делу...

– Куда уж ближе... вот мы сейчас во втором варианте действительности... где они друг друга не услышали.

Капитан бледнеет:

Хотите сказать...

– ...что мы обречены.

В последнем проблеске сознания думаю, что где-то есть действительность, где мы услышали друг друга.

И где мы не расставались.

Никогда-никогда...

Нота, которой нет

Играет струна.

Ну, не одна струна, много их, струн.

Ну, мы про одну поговорим, а то сильно много будет.

Вот дёрнулась струна, р-р-раз – и нота появилась.

Какая нота?

Ну, пусть будет, например, фа.

Или ре.

Нет, фа.

А вот снова струна дернулась.

Вот и вторая нота подоспела.

Пусть будет до.

Снова дрогнула струна.

Вот и нота ми.

В другую сторону качнулась струна.

Вот и кварк.

... стоп-стоп-стоп, какой кварк, откуда кварк, куда кварк, зачем кварк, нет такой ноты – кварк.

Верно всё.

Это не нота.

Это частица такая.

Кварк называется.

Какой кварк?

А-а, верно, какой кварк, мы и не сказали. Они же разные бывают, кварки-то.

Да какая разница, какой кварк. Вы его спросите, он вам сам скажет, какой он кварк, нижний, или там очарованный.

А?

Откуда кварк, когда у нас ноты были?

Так струна-то не простая, струна...

Дрожит струна.

Играет музыка.

А музыка, она разная бывает. Вот в этой мелодии, скажем, все ноты, до-ре-ми-фа- соль-ля-си, или там до-диез какой, а в этой ноты ми нет, ну не нужна она там...

Всякая бывает музыка.

Это мы всё к чему?

А, ну да, ничего не происходит, эдак и читатель заскучает, если ничего происходить не будет...

Тимошка играет с моим вертолетом.

Тимошка дебилище, даже играть толком не умеет, не понимает, что на кнопки жать надо, вертит вертолет в руках, тр-р-р-р, того и гляди винт отломает.

Говорил я ему, вертолет мой не трогать, а он схватил...

И надо нахлопать его, пока мамка не увидела, отобрать вертолет надо – а не могу.

Потому что меня нет.

До – ре – фа – соль – ля – си...

А ми?
А нет ми.
Ну, мелодия такая, нет в ней ноты ми...
Денис обнимает Ленку.
Ленка, это невеста моя, если кто не знает.
А Денис, это одноклассник мой.
Бывший.
Обнимает Ленку.
Целуются.
Я вижу их, и ничего-ничего не могу сделать.
Потому что меня нет.

Дрожит струна, играет музыку, раз дрогнула – вот и появились земля, небо, царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...

Летит на город вражеский снаряд.
На какой город?
На мой город.
А называется мой город...
Да какая разница, как называется, вам это название всё равно ничего не скажет... город и город. Ну, пусть будет Москва, если вам так понятнее.
Летит снаряд.
Хорошие сейчас снаряды стали, летят через океан.
Летят на мой город.
А я снаряд перехвачу, даром, что ли, на перехватчике сажу.
Только не перехвачу.
Потому что меня нет.
И прямо несправедливо как-то получается, что по другим местам, где меня нет, там меня кто-нибудь да и заменит, а тут нате вам, некому заменить.
Не-ко-му.

Играет струна мелодии.
Разные.
То так, то эдак.
Иногда одни ноты сыграет, иногда другие, иногда одни частицы, иногда другие сыграет.
Вселенные-то они разные бывают.
И мелодии разные.
А вот как играет струна, по нотам, или так – не знаем.
И кто на струне играет, тоже не знаем.
Может, сама на себе играет.
Больше-то никого нет.

Врываюсь в не свою действительность, включаю перехватчик (да, у меня тут же и перехватчик появился!) сбиваю снаряд.

Вот так.
Люди смотрят на меня...

...а интересно, ноты помнят, что когда-то играли с другими нотами?

- Почему фальшивим?
- Это не я...
- А кто, я, что ли?
- Это ноты...
- А-а-а, значит, ноты у нас уже сами фальшивят, так, да?
- Так то-то и оно, что сами... вон... а из другого измерения нота выпасть может?

Играет струна.

Сама на себе играет, больше-то не на чем.

Ноты играет.

Одни ноты слышно, а другие не слышно, они в другом измерении.

А бывает, что ноты...

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

Обвиняется в нарушении границ между измерениями, повреждении мелодии...

- Ну что, вы нашли их?
- Да, вот они... в восемнадцатом квадранте...
- Быть того не может... там жить невозможно.
- Невозможно... а они живут.
- Ну что же... не мне вас учить, что делать.
- Э-э-э... я вас правильно понял?
- Правильно вы меня поняли.
- Но... если их уничтожить, это же сколько мелодий не получится... без этих-то нот...
- И пусть не получится, безопасность важнее... выполняйте...

– А вы тоже не в свою мелодию влезли?

Это я у Дениса спрашиваю.

И Денис у меня.

Одновременно.

Смеемся.

Мы все здесь, и Денис, и Ленка, и Тимка, дебилище такое.

И все.

Все.

У кого-то, кажется, у Ленки, нашлась пачка кофе. Ленка хочет поделиться со всеми, спохватывается, что на семь миллиардов не хватит.

Денис ругается, и сами выпьем, что нам до других.

Ленка мотает головой, разливает по чашкам, разносит людям, не обессудьте, если не досталось кому.

Кто-то из мировых магнатов смотрит на Ленку, начинает раздавать хлеб.

Сидим.

Ждем, когда за нами придут.

Придут, чтобы отобрать у нас струну.

Учебник иностранного языка

Примечания переводчика.

*** – отец спросил у Алёшки, кем тот хочет быть.

*** – так называется машина для тушения пожаров, пожарная машина. В данном случае следует читать – пожарной машиной, потому что мальчик говорит, кем он хочет стать.

*** – даже думать не смей!

*** – Алёшка не понимает, что он такого сказал.

*** – вырастили на свою голову (этот речевой оборот означает недовольство воспитанием, к голове не имеет никакого отношения)

*** – больше никаких пожарных машин!

Задание к тексту: прочитайте вслух предложение, используйте правильную артикуляцию:

Алёшка не понимает, за что, почему, чего он сказал такого, что отец прямо взъерепенился весь, вроде и Тимка меньшей сказал, что медведем хочет быть, отец только фыркнул, ишь, выдумал, и Лика маленькая сказала, а я птичкой быть хочу, и отец тоже только фыркнул, а тут... а вечером Алёшка машину свою из лопухов вытащил, игрушечную, и в сараюшку спрятал...

Задание два: переведите на изучаемый язык фразу:

Ой, Лёшка, горе ты моё, угробишь ты батю своего, угробишь... Ну, хорош реветь-то, ты ж меня знаешь, поорет батя и успокоится... чего ж ты сказал-то такое... не-е, брат, нельзя так... машиной пожарной... это мамка те все мозги запудрила, то машину пожарную купит, то подъемный кран, то еще чего... мы тебе вот, солдатиков купим, бушь в солдатики играть... хоть человеком вырастешь...

*** – (в виду сложности текста перевод приводится полностью):

Когда меня спрашивали, кем я хочу быть в детстве, я отвечал – космическим кораблем. Меня переспрашивали – может быть, космонавтом? – но я отвечал: нет, космическим кораблем.

Надо мной смеялись, мне говорили – это невозможно. Но даже в те времена я твердо знал, что моя мечта исполнится.

Задание три: Прочитайте текст. Расположите в правильном хронологическом порядке события, происходящие с героем:

Исследование горного ландшафта на безымянной планете.

Полет через туманность.

Поиски необходимой руды.

Создание собственной копии с целью исследования черной дыры.

Примечание переводчика:

*** Бежит, сверкая пятками – быстро передвигается.

*** Ух ты – к уханью филина никакого отношения не имеет, это звук удивления

Задание четыре. Расскажите, что увидел Алёшка в лесу.

Падение метеорита
Падение звезды
Падение космического корабля
Ничего не увидел, ему показалось

(Правильный ответ – номер три)

Примечания переводчика:

*** У Алёшки секрет есть – Алёшка что-то скрывает от других, в данном случае – от родителей

*** А у меня друг есть, хочешь, познакомлю – Алёшка находится в тесном эмоциональном контакте с другой личностью.

*** А у него имени нет – Алёшке непонятен идентификационный номер героя.

Задание пять: переведите на изучаемый язык фразы:

А я про тебя папе скажу-у-у!
Ну, малец, показывай, чего ты там в лесу прячешь.
Этого нам еще не хватало, он полдеревни разнесет.
Ты по-ихнему кумекаешь?
Мужики, ему там хрень какую-то починить надо, и всё, и уйдёт он от нас.

Задание шесть: Прочитайте следующую главу. В кого превратился (модифицировал свою структуру) герой?

В самолет
В машину
В вездеход
В подводную лодку

(правильный ответ – 1)

Примечания переводчика:

*** – а ты меня с собой возьмёшь?

*** – это слишком опасно

*** – ехал по редколесью

*** – древнее хранилище

*** – внезапно обрушилась крыша

*** – куда ж ты поперся, жить надоело, или как

*** – погодь, не рыпайся, ща вытащу – (не предпринимай никаких действий, сейчас я тебя освобожу)

*** – не за что (стандартный ответ на Спасибо)

*** – как вы меня нашли?

*** – мне малец мой сказал, что тя сюда черти понесли... Ты это, мальчика-то моего не трожь давай

*** – так вот то и плохо, что он сам к тебе лезет, еще не хватало, тоже себе чегой-нибудь приделает, крылья там железные али колеса...

Задание семь: прочитайте главу. Скажите, что искал герой в старом хранилище?

Сокровища

Запчасти для двигателя

Копию своей памяти, которую оставил там, когда покидал Землю

Игрушки для Алёшки

(правильный ответ – номер три)

Задание восемь: найдите и прочитайте статьи о трансгуманизме. Перечислите основные вехи перехода человека от биологического тела к кибернетическому. На основании текста сделайте вывод, память какого типа была у героя?

Примечания переводчика:

*** – здесь моя память

*** – теперь я помню, как пахнет хлеб

*** – вкус земляники

*** – я был здесь три тысячи лет назад

*** – не смей дружить с этим чучелом, нелюдь он, нежить

*** – дома пылали, охваченные пламенем

*** – забыла загасить свечу

*** – я сделаю брандспойт

*** – он стал настоящей пожарной машиной

*** – ты спас нас всех

Задание девять: прочитайте главу. Скажите, почему жители Земли хотели, чтобы герой покинул их как можно скорее?

Они боялись, что он их уничтожит

Герой чем-то обидел людей

Они боялись, что их дети захотят подражать герою

Напротив, они хотели, чтобы герой остался жить с ними

Правильный ответ: номер три

Примечания переводчика:

*** – мне очень жаль, но это неизлечимо

*** – есть только один способ исцеления

*** – я даже думать об этом не хочу

Задание десять: переведите текст на изучаемый язык.

– Улетает.

Алёшка вздрагивает.

Думает, ослышался.

Нет, не ослышался, верно соседка соседке обронила:

– Улетает сегодня.

И другая соседка крестится, у-у-ух, пушай валит, супостат проклятый, туды ему и дорога. Алёшка не понимает, почему туды дорога, почему супостат, почему проклятый, почему...

Не спрашивает.

Алёшка за калитку тихонько выбирается, к лесу бежит. Так-то Алёшку бы изловили, не пустили бы в лес, а чего он без дела мается, от работы отлынивает, хочешь есть калачи, не сиди на печи...

А тут никто Алёшку не хватился. Отец хворает, вот и не до Алёшки никому. Тут бы остаться, отцу помочь, да какое остаться, этот же... улетает...

Алёшка бежит через опушку, и дальше, в чащу, в синее еловое частолесье, туда, где первый раз увидел этого... какого этого... этого этого... у него даже имени нет... Алёшка его Митей называет, ну быть ведь такого не может, чтобы совсем имени не было...

Алёшка оборачивается.

Смотрит на городок, еле-еле отсюда городок виден.

Боязно Алёшке.

А как не боязно, отец же там.

Отец. И мамка. И меньшей, и еще один меньшей, мал-мала-меньше, и старших два.

Алёшка идет к деревне, замирает.

Смотрит в глубину леса.

Бежит в чащу, скорей-скорей, там же этот...

...замирает.

Боязно так, как было боязно, когда в лесу заблудился, со старшими по грибы пошел, заплутал. И как тогда хочется ревмя реветь, не знает Алёшка, куда идти, что делать...

Алёшка идет в чащу. Сам себя корит, да как не корить, уж этот-то колебаться не стал бы, он бы сразу решил, что ему делать...

Алёшка замирает на поляне возле поваленного дерева.

Лес молчит.

Еле-еле слышно отсюда звон колокола в городке.

Алёшка бежит к городку, к мамке, к теплomu дому, к звону колокола...

Оборачивается.

Думает. А вот он, Алёшка, к этому прибежит, а этот говорить будет, тебе со мной нельзя, а Алёшка просить будет, ну пожалуйста-препожалуйста...

Алёшка бежит.

Хочет окликнуть его по имени, но вспоминает, что нет у него имени.

Это про себя его Алёшка Митей зовет.

А так его никак не зовут.

Выбегает на пустошь.

Тишина.

Трава, подернутая проблесками осени.

И – никого.

Алёшка не верит себе, оглядывается, садится на землю – ы-ы-ы-ы-ы!

Лес молчит.

Алёшка к дому плетется, нехотя плетется, ох, попадет Алёшке, что со двора сбежал, от работы отлынивал...

Пробирается Алёшка на двор, бочком-бочком, повезет, не заметят. Да как же, не заметят, вот мамка стоит, и старшой, и еще один старшой, ух, щас зададут жару...

А не задают жару.

Смотрят не на Алёшку, а будто бы сквозь Алёшку, не видят...

Алёшка в дом вбегает:

– Папка?

А папки нет. То есть, есть папка, но... нет.

– Па-а-а-пка-а-а-а-аа!

Примечания переводчика

*** – кладет воспоминание в хранилище

*** – это воспоминание под номером три миллиона сто семьдесят пять тысяч тринадцать

*** – на окраине вселенной

*** – сорок лет

*** – он смотрит на воспоминание, не может вспомнить, зачем оно и откуда

Задание одиннадцать. Прочитайте главу. Скажите, кем захотел стать сын Алексея?

Лесником

Пастухом

Пожарником

Самолетом

(Правильный ответ – №4)

Что Алексей купил сыну в подарок?

Игрушечную пожарную машину

Новую куртку

Книгу

Игрушечный самолет

(Правильный ответ – №4)

Задание двенадцать: переведите на изучаемый язык фразу:

Алексей останавливается у входа в дом, смотрит на крылатую машину в своей руке, размахивается, хочет забросить в речку, – рука замирает...

Задание тринадцать: объясните, что означает термин «Открытый финал».

Росток Имболка

Ингрид достает из сундука омелу и плющ.
Потому что Йоль.
И ещё полено из ясеня достаёт Ингрид.
Тоже потому что Йоль.
И украшает его тремя свечами.
И это тоже потому, что Йоль.
Пращур показывает:
– Это вот гвоздика, это яблоки.
Марта готовит ветчину.
Все встают в круг, начинают петь:
– Кто родился в сентябре, встань, встань, встань...

Потому что Йоль.

Максимальная скорость – 0,95 от скорости света.
Ускорение продолжается.
(из журнала)

Пращур сердится:
– Почему свечи не жжете?
Михель вспыхивает сам не хуже свечи:
– А на хрена кислород расходовать?
Пращур возмущается:
– Так Имболк же! Имболк!
Михель нехотя идет жечь свечи. И Ингрид идет жечь свечи. И Марта. И все-все.
Имболк потому что.
Вешают жёлтые ленты.
Поют:
– Сила звезд небесных,
Благословите это место...

– А вот посмотрите, уважаемые туристы, что это мы видим? Правильно, это древний космодром кельтов. Технологии древних кельтов намного превосходили наши возможности. Есть даже мнение, что кельты первыми организовали межзвездные путешествия, и возможно, сейчас корабль кельтов движется к далекой звезде...

– А вы сами-то в это верите в то, что говорите?

– Ой... ну, нам говорят, туристам всё это рассказывать, мы говорим...

Пращур сердчает.
Велит репы резать.
Ну как, репы... ну, не репы, конечно. Вон, металлических шаров наплавляли, наварили, теперь из них надо рожи вырезать страшные.

Самхейн же.

Самайн.

Михель гневается, какой Самайн, какие репы, еще реп нам не хватало, вон, корабль-то на ладан дышит...

Не сдаётся пращур:

– Репы!

Петер взрывается:

– Да пошел ты со своими репами!

Пращур не понимает, не верит, как пошел, почему пошел...

А ведь и правда, пошел.

Это же раньше как было, пришла зима, вот и Йоль, а там на весну повернуло, снег тает, листья пробиваются – это Имболк, а когда осень умирает, зима начинается, там Самайн.

А здесь что?

Ни зимы, ни весны нет, ни дня, ни ночи, чёрное небо с колючими звездами...

И Лугнасада не будет, не бывает черничному пирогу...

И Мабона не будет – это же когда урожаем собирают, Мабон бывает, а тут какой урожаем...

АВАРИЙНАЯ СИТУАЦИЯ

Михель смотрит на красный свет на экране, злой свет, красный свет, недобрый свет.

ЭКСТРЕННАЯ ПОСАДКА

Знать бы ещё, как посадить её, экстренную эту посадку, а то вот так учишь-учишь, а там и не вспомнишь, когда надо, вертится на языке, что не надо – сила звезд небесных, благословите это место...

Вжух – экран гаснет.

Вжух – гаснут огни.

Тишина.

Мертвая тишина, непривычная тишина, – тишина умершей машины.

Марта вздрагивает:

– Это мы всё... потому что Самайн... потому что репы не сделали...

Михель срывается на крик:

– Да уймись ты, курица, раскудахталась!

И уже совсем другим голосом:

– Приготовиться к посадке...

...первый день первого месяца первого года...

Петер пишет так и задумывается. Он еще не знает, есть ли здесь дни, и месяцы, и годы.

Может, и нет.

Да и вообще не до того сейчас, вон сколько дел, хоть бараки какие на первое время сколотить, не в корабле же ночевать...

Пробиваются из земли первые ростки.

Это не весна. Потому что весны здесь нет среди трех солнц и трех лун.

Хельга хлопает в ладоши:

– Выросли, выросли!

Хельга, это дочка Ингрид и Петера. А у Михеля с Мартой два пацана подрастают, Альбион и Тристан.

И правда, выросли. И пшеница, и морковь, и репа, и куры в сараюшке квохчут...

И пращур на поле смотрит, он там посеял...

...и не возшло.

Ничего не возшло. Ни Йоль, ни Имболк, ни Самайн, ни Мабон, ни Лугнасад, и даже Белтейн не возшел.

Где им тут взойти-то, ни дня, ни ночи, ни весны, ни осени.

Смотрит пращур на пустое поле, шепчет беззвучно:

– Не взошли... не взошли....

И Михель к пращуру подбегает:

– Взойдут!

– А?

– Взойдут!

Это Ингрид уже.

И Петер:

– Взойдут! Обязательно взойдут!

Не верит пращур:

– Взойдут?

И Марта говорит:

– Взойдут, взойдут... мы их в хорошую землю посадим... водой польем... прорастут...

Невозможность времени

Здесь нужно сказать – идет снег.

И это будет неправдой.

Или нужно сказать – идет дождь.

И это тоже будет неправдой.

Морось какая-то.

Да, вот так и надо сказать – какая-то морось.

Хотя нет, на морось это тоже не похоже. Вы у Ингерда спросите, он скажет, что это такое, только он так скажет, что вы не поймете, я сам эти икс-квадраты не понимаю, а по уставу понимать должен.

Вы только не говорите никому, что я в этом деле ничего не кумекаю, а то быстро отсюда домой отправлюсь... хотя нет, сейчас уже, наверное, не отправлюсь, не погонят же они меня через... через это...

Хочется сказать – через километры и километры, но это будет неправильно.

Через килопарсеки.

И это тоже неправильно.

Через единицы, сотни, тысячи...

...чего?

Ничего.

Просто. Единицы, сотни, тысячи.

И это, кажется, тоже будет неправдой.

Сознание отчаянно цепляется за слова, ищет хоть какое-то знакомое определение, не находит.

А вот.

Привал.

Вот если я скажу – привал – это будет правдой.

Сознание цепляется за знакомое слово, держится за него мертвой хваткой.

Привал.

Ужин.

Тоже правильное слово. У-жин. Хотя нет, не совсем правильное, ужин бывает вечером, а здесь нет утра, вечера, дня...

А нет. Ужин бывает перед тем, как лечь спать.

Значит, все-таки у-жин.

Едим. Еда здесь горчит, ну, к этому я уже привык, что еда горчит, такая скотина человек, ко всему привыкает. Ингерд втолковывает мне что-то, ловлю незнакомые слова – сумма обратных величин, замкнутая кривая Жордана... хочу спросить – обратные величины это отрицательные числа, что ли – не спрашиваю. Понимаю, что после такого Ингерд точно отправит меня куда подальше, не посмотрит, что сюда еле добрались, а отсюда в одиночку идти так и вовсе нереально...

Засыпаю.

Если здесь можно сказать – засыпаю, если эту тяжелую дремоту, наполненную воспоминаниями, можно назвать сном.

– Э-э-э... здравствуйте.

Смуглый парень смотрит на меня настороженно:

– Привет и ты, коли не шутишь.

– А я... по объявлению.

– Физмат кончал?

– Ну...

– Диплом давай.

Меня передергивает, это что-то новенькое. Хотя что новенькое, сказано же было в объявлении – с собой паспорт, диплом, снилс, и-эн-эн, и всё такое...

Смуглый парень недоверчиво крутит мой диплом, зачем-то пробует на зуб.

– Где купил?

– Да ну тебя, сам бы посидел, поучил ночами...

Сжимается сердце, только бы не просек, где я купил диплом...

– И сидел, и учил... – парень вскидывает голову – третий закон Ньютона?

Земля уходит из-под ног, сознание хватается за отдельные слова, не удерживается, падает.

– Э-э-э... сила действия... противодействия...

– Ага, чего-то помним, слышим звон, да не знаем, где он... сформулировать-то сможем?

– Не...

– Ладно, что с тобой поделаешь...

Оглядываю неприметную комнатенку:

– А... начальник скоро будет?

Парень фыркает:

– А я, по-твоему, кто?

...вздрагиваю.

Хочется сказать – просыпаюсь.

Только это будет неправильно. Это выныривание из тяжкой дремоты нельзя назвать пробуждением.

Ингерд приподнимается на постели, смотрит на меня с ненавистью:

– Спи, давай, завтра опять не встанешь...

– А сам чего не спишь?

– А ты чего?

– А ты?

Ингерд хочет ответить, не отвечает, смотрит в темноту...

Здесь хочется сказать – ночи.

И не говорится.

Нет никакой ночи.

И темноты нет.

Вертится на языке – туман.

И это тоже будет неправдой.

Тумана здесь тоже нет.

Ингерд встаёт, уходит по холмам...

(...и холмов здесь тоже нет...)

...в сторону проблесков на горизонте.

(...хотя горизонта здесь тоже нет...)

Кричу ему вслед:

– Мне с тобой, или...

– ...здесь оставайся.

Здесь есть хотя бы здесь. Пока есть. Хотя здесь всё меняется очень быстро, вы у Ингерда спросите, он вам скажет про равенство двух элементов кольца периодов, и про проблему континуума, и много ещё про что.

Хочется сказать – сны.

...нет, это не сны, это другое. Здесь не бывает снов.

Воспоминания...

...тоже как-то не то.

...Смотрю на страницу газеты, спрашиваю сам себя – что я только что видел.

А ведь видел.

А ведь секунду назад страница была другой, совершенно другой, это я точно помню. Какой другой – не помню, но – другой.

Вспомнить бы еще – какой именно.

Нет, не вспоминается, память отказывает мне, да и была ли она вообще, эта память, не было, не было ничего, быть такого не может, чтобы на странице газеты было то, чего там не было.

Встаю со скамейки...

...стоп, с какой скамейки, нет здесь никакой скамейки, пустой тротуар, откуда здесь скамейке взяться. Да отродясь здесь скамеек не было. А ведь секунду назад сидел я на чем-то, сидел ведь, читал газету...

В который раз думаю, что пора уже отмечать такие моменты, когда мне кажется, что вот только что было что-то, а уже нет.

В который раз думаю, что в который раз забуду.

Иду в сторону отеля Парадиз...

...стоп-стоп-стоп, какой, к чёрту, отель Парадиз, нет здесь никакого отеля Парадиз, и не было никогда. Во всю стену фотография Регдина, какие-то набившие оскомину громкие слова, мы любим Регдина, и всё такое.

...с размаху налетаю на кого-то, ай, ах, девчонка, сбита мной, чуть не валится на тротуар, сейчас начнется, а-а-а-а, куда прёшь...

Не начинается.

Смотрю на неё, понимаю – она тоже видела. Что-то...

Она шепчет мне в ухо чуть слышно:

– Отель Парадиз.

Киваю. Шепчу одними губами:

– Отель Парадиз.

Переглядываемся, понимаем друг друга. Кто-то косится на нас, не нравится мне этот кто-то, – обнимаемся с незнакомкой, хочу чмокнуть её в губы, она шепчет еле слышно, ой, не надо, у меня парень есть...

Больше я её не видел.

Вот это я хорошо помню – больше я её не видел...

Воспоминания.

Если это можно назвать воспоминаниями.

Нельзя.

Нельзя.

Здесь приходит что-то другое...

...что-то...

– Вставай.

– А?

– Вставай, говорю.

Это Ингерд.

Хочется сказать – встаю, только это будет неправильно. Здесь нельзя вставать, здесь можно только выбраться из переплетения координат, прямых, кривых, синусов, косинусов, арктангенсов, что такое, не знаю, вы у Ингерда спросите, он скажет, он знает, и про риманово пространство знает, и про неримановы пространства, видно, важный человек был этот Риман, если ему целое пространство отвели...

Итак, выбираюсь из хитросплетения линий, иду за Ингердом.

(Хочется сказать – иду, и это будет неправильно)

Тут надо быть осторожным, чтобы не провалиться куда-нибудь в никуда, в непериодические десятичные дроби. Но и не слишком осторожничать, а то просечет Ингерд, что помощник его в математике дальше дважды двух – четыре не сечёт...

Ингерд оборачивается ко мне, глаза стеклянные. Это я уже знаю, когда у Ингерда глаза стеклянные, значит, смотрит куда-то в глубину мира тонких чисел, выискивает интегралы, высматривает обходные пути до каких-то неведомых асимптот.

Здесь хочется сказать – вспоминаю, только это будет неправильно.

Это не воспоминания.

Это другое.

Требуются специалисты со знанием высшей математики. Обращаться – Новослободская, 19, отель Парадиз, офис 23.

Читаю – хочу заорать, что нет на Новослободской никакого отеля Парадиз, и не было никогда.

Не ору.

Начинаю понимать.

Набираю номер.

Гудки.

– Слушаю.

– Э-э-э... я по объявлению...

– А там что сверкает?

Здесь хочется сказать – сверкает, только это будет неправильно. Здесь не сверкает, здесь другое что-то...

Тем не менее, говорю:

– А там что сверкает?

Тут же мысленно даю себе подзатыльника, на кой черт сказал, вот теперь всё понятно со мной будет, что по математике выше тройки не было, сидит училка, руками разводит, Саламахин, я тебя как оценивать должна, у тебя в полугодии двойка выйдет, я что делать должна... помню, домой идти боялся, думал, батя меня убьет, я еще не знал, что батю самого убили...

А ведь ляпнул же я:

– А там что сверкает?

Ингерд оборачивается:

– Где?

– Да вот же...

Ингерд прищуривается, глаза стеклянные:

– Не вижу...

– Да вы нормально смотрите, а не в бесконечность.

– Точно, я и забыл... где, говоришь? Слушай... ну, башка у тебя работает...

Начинаю догадываться:

– Это... оно и есть?

Ну а то... слушай, ну ты вообще молодчина... необратимость хода времени... Ну, конечно же!

Ничего не понимаю. Спешу за Ингердом, черт, даже не спросил, что мне делать, за ним идти или стоять здесь...

Начинаю понимать, что что-то не так...

...да, вот это слово здесь подходит – что-то не так.

Присматриваюсь, еще бы понять, что именно не так, да здесь все не так с точки зрения нормального человека, но теперь как-то особенно – не так.

А вот оно что...

– А ты заметил, мы идем, а оно ближе не становится?

Ингерд подскакивает:

– Ты... ты здесь?

– А что...

– Блин, я ком-му сказал, на месте стоять? Оборудование на хрен не надо, пусть пропадает, так?

Отступаю назад, всё-таки говорю:

– Там... мы к нему идем, а оно не приближается.

– Так и должно быть, что... от чёр-р-р-т...

Ингерд бормочет что-то, узнаю полужнакомое слово – асимптота.

Вспоминаю:

– Это... это значит, её нельзя пересечь.

– Верно, не доберемся мы до него ни хрена... Не выйдет номер... ладно, давай к лагерю...

Поворачиваюсь к лагерю, понимаю, что возвращаться некуда, лагеря нет. Что-то тёмное доедает ноутбук, давится моим свитером.

Жду нагоняя от Ингерда, не дожидаясь, Ингерд идет куда-то по краю воронки, закрученной на саму себя немислимой петлей Мёбиуса. Хоть это я помню – петля Мёбиуса, рисунок ещё был, там муравьи по ленте бегали...

Воспоминания...

(...нет, не воспоминания, тут что-то другое...)

– Ну что... – парень смотрит на меня, постукивает по столу пальцами, – что Регдин сделал, догадываешься?

– М-м-м-м... ну... была сначала одна реальность, а он другую сделал...

– А если подумать?

– Ну... – хочу сказать, что не знаю, тут же спохватываюсь – а-а-а-а, так это... как будто он в нашем прошлом изменил что-то... и теперь всё вот так...

– А молодец, соображаешь... ну а как ты думаешь, как он в прошлое попадает?

– М-м-мм... ну уж, не знаю, как он во времени путешествует...

– ...но путешествует, – мой будущий начальник смотрит на меня, прищурясь.

Вспоминаю умную фразу, услышанную где-то когда-то не помню где и когда:

– Ну... современная математика не исключает такую возможность... путешествий во времени...

– Вот именно. Современная. Сегодняшняя. Та, которую мы знаем.

Пытаюсь сострить, острога не получается:

– А что... бывает завтрашня?

– Бывает... математика-то, она большая... может, где-то там и есть доказательство, что машину времени создать невозможно... вот так найдем доказательство это, Регдин и не проникнет никуда...

Начинаю сомневаться:

– Так это когда ещё до этого математики доберутся...

– А мы математиков ждать не будем.

– А как?

– Сами пойдем, как...

Меня передергивает:

– Это к-кто... сами?

– Ну... мы с тобой, кто. Ты же в математике кумекаешь, разберемся...

Киваю.

Не говорю, что ни в какой математике я ничего не кумекаю.

– Тише ты...

Здесь хочется сказать – замираю.

Только это будет неправдой.

Здесь не замираешь, здесь как будто перестаёшь быть.

Тишина.

Текут секунды...

(...нет, это будет неправдой, нет здесь никаких секунд...)

Ничего не происходит...

(...и это тоже будет неправдой, здесь всегда что-нибудь происходит, только мы не видим, что...)

Осторожно спрашиваю:

– Этот нас ищет? Рег...

– Да лучше бы этот...

– А кто?

– Чш-ш-ш-ш....

Оно появляется из ниоткуда, прямо у меня над головой – что-то сетчатое, клетчатое, извивается, пересекается само через себя, ищет жертву...

– Пригнись...

Пригибаюсь, проваливаюсь в какие-то координатные хитросплетения, зачем-то задерживаю дыхание, хотя знаю, что не задохнусь.

Сетка касается моих плеч, сжимаю зубы, чтобы не заорать от боли, чувствую запах жженого мяса.

Секунды растягиваются в вечность.

– Вставай!

– А?

– Вставай, давай!

– Так эта же хрень...

– Нету уже никакой хрени, вставай...

Встаю, оглядываюсь, и правда, нет никакой хрени.

– Тпру, стой, куд-да попёрся... – шипит Ингерд, – дай спину тебе смажу...

– А-ч-ч-ч-ер-р-т!

– Терпи уже, я что могу сделать... щас полегчает...

Боль утихает, уходит куда-то, перестаю чувствовать плечи.

Вспоминаю:

– А это игра такая была на компьютере... там сеточка такая была, её ловить надо было... или она ловила...

Ингерд взрывается:

– Да задолбал ты! Сеточки ему, игрушечки! Думает, мы здесь в игрушки играем, да? Вон пошел отсюда, видеть тебя не хочу!

Меня передергивает. Думаю, что ослышался. Нет, не ослышался, и правда – убирайся.

Убираюсь. Кусаю кулаки, крепко, до крови, ненавижу себя. Упустил своё счастье, сам упустил, и где упустил – в двух шагах от цели, сам же Ингерд говорил, почти нашли... хотя это самое почти может растянуться еще лет на двадцать, уж это я в математике понимаю...

Прячусь за холмами...

(...неправильно, здесь нет никаких холмов...)

...выслеживаю Ингерда, чёрта с два я от него куда-то уйду...

Ингерд замирает на обрыве...

(...нет здесь никакого обрыва...)

...оборачивается:

– Сюда иди! Живо! Нашёл! Нашёл!

Бегу сюда. Живо. Проваливаюсь в какие-то неправильные бесконечные дроби, Ингерд подхватывает меня, бормочет слова, от которых у квадратных корней уши сворачиваются в трубочку.

– Вот... смотри...

Смотрю. Как всегда ничего не понимаю.

– Вот оно... – Ингерд показывает на непонятные формулы, – вот...

– Это... что машина времени невозможна, да?

– А то сам не видишь?

Не вижу. Но говорю другое:

– М-м-м... похоже... оно и есть.

– Да не похоже, а есть! Вот оно... значит...

Толкаю Ингерда в спину, резко, сильно, сам чуть не падаю в сияющую бездну.

Отворачиваюсь – всё равно кровавые брызги впечатываются мне в лицо.

Подхватываю формулу – длинную, извилистую, заляпанную свежей кровью, прячу в сейф.

Иду назад. По вехам. По знакам. По зарубкам на квадратных корнях. По кривым интегралам и замкнутым кривым.

Путь обрывается.

Падаю.

Кто-то подхватывает меня, кто-то выволакивает, бьется в висках – Ингерд, Ингерд – нет, не Ингерд, это другой математик, имени не помню, вот так, совсем хорошо, не помню, что за люди у меня работают.

Отфыркиваюсь, отплеываюсь.

– С-спасибо.

Он неумело отдаёт честь:

– Служу императору.

Дальше можно расслабиться, дальше меня проведут свои, зря, что ли, их расставил...

Мелькают впереди огни мегаполиса.

Останавливаюсь, перевожу дух – здесь, вроде, можно остановиться.

Математик спрашивает:

– Вы... нашли?

Отрицательно мотаю головой:

– Нет... нет опровержений, что путешествия во времени возможны.

Он смотрит на меня. Нет, не на меня, а куда-то сквозь меня, на какие-то...

(...хочется сказать – холмы, и это будет неправильно, нет здесь никаких холмов...)

...я еще не знаю, что он там видит, да и не узнаю никогда, ничего я в этом деле не понимаю. Но догадываюсь, по взгляду его – догадываюсь, не умеешь ты врать, парень, всё у тебя на лице написано...

Спускаю крючок.

Математик сгибается пополам, падает. Добиваю выстрелами, раз, другой, третий, не умею я убивать, не умею, у других как-то получается с одного выстрела уложить, а мне и одной обоймы мало будет...

Иду к городу, вижу темные силуэты солдат, бегущих навстречу.

– Мой император! Вы...

– Всё, всё в порядке... хорошо всё...

– Стреляли...

– ...я стрелял... нормально, нормально всё...

...возвращаюсь домой, бросаю пойманную формулу в сейф.

Закрываю.

Смотрю на хитросплетения времен, нет ли какой опасности там, впереди – нет, ничего нет, путь свободен.

Ква-отряд

- Ну, давайте... рассказывайте...
- Девушка в кресле мнется, теревит длиннющие ногти, хлопает ресницами, нет, не взлетает, наконец, тянет неуверенно:
- Ну-у... я не зна-аю...
- Что не знаете, были вы там или нет?
- Ой... не знаю я...
- Не знаете, были или не были?
- Там, это где?
- Там, это там... На Инертной.
- М-м-м... это улица такая?
- Следователь начинает терять терпение:
- Ну да, да!
- Ой, ну я это, утром встала, я еще в девять хотела, а там туда-сюда, до одиннадцати провалялась, потом это самое...
- Следователь откашливается:
- Вы на Инертную приехали...
- А, ну да, я ногти покрасила, ещё такая покрасила, а тут холодно было, я еще такая хотела халат взять, и никак, ну вы понимаете, ногти покрашены... А тут мне Стелла звонит такая, а пошли в «Парадиз», ну это бутик такой на Инертной...
- Ну-ну, вы на Инертной оказались, и что?
- Ну, я еще из машины вышла, потом смотрю такая, сумочку оставила, это потому что я обычно с большой сумкой хожу, и ридикюльчик ещё беру, а тут с одной сумкой маленькой...
- Ну, хорошо, хорошо, и вы увидели...
- Ой, да вы не сбивайте меня, я так не могу... погодите-погодите, я вам всё по порядку расскажу... Ну и вот... а тут за этим гонятся...
- За кем, за этим?
- Ну, за человеком за этим, за кем! А он от них убегает...
- Как он выглядел?
- Ну как, обычно... как человек... у него ещё пальто такое было... или нет, вру, курточка на нем была... там еще заклёпочки такие, еще воротничок такой...
- А роста он какого?
- Рослый такой, высокий... но нескладный какой-то... Знаете, мне высокие обычно нравятся, а тут нескладный какой-то...
- Ну, хорошо, хорошо, так вы говорите, он по улице бежал?
- Ага... а за ним эти гнались... в форме такие...
- Полицейские?
- А, ну да... я еще такая завизжала, думала, меня щас убьют... Ой, так напугалась вообще... ой, можно я закурю, а то волнуюсь так... Я вообще уже месяц не курю, а тут как случилось такое...
- Курите, курите, кто вам не дает... так куда он побежал-то?
- Ой, не помню я... по улице куда-то...
- По какой улице?
- Ой, да не помню...
- Там живете и не помните?
- Ой, да не помню я... хотя постойте, постойте, он к бутику свернул, там еще туфли такие выставили, надо ж было так туфли испортить, там подошва розовая, а...

- ...короче, куда он побежал-то?
- Он... а да, никуда он не побежал... он пропал.
- Как пропал?
- Ну, так... он там возле бутика остановился, там еще туфли такие, они мне так нравились, только...
- И?
- Ну вот, он остановился... и на стене рисовать начал чёрным чем-то...
- Предположительно, углем.
- Я думала, граффити какое нарисует... а он простенько так, крестик нарисовал, и кольцо такое...
- Умножил на нуль.
- Это чего такое, это картина так называется?
- Ну да...
- А это в тренде сейчас?
- Не... не в тренде...
- А, ну то-то я смотрю, парень не в тренде... А он так нарисовал, и тут раз, эти полицейские исчезли... вот так, были-были, и раз – и нету, и ветер такой, и холод... а я такое в кино видела, там парень один на врагов закли... заклятие наложил...
- Так-так, понятно.
- А это... а это тоже заклятие было?
- Ну... считайте, что да.
- А потом он к другой стенке повернулся, и там крестик нарисовал, а над ним такие две палочки... или нет, три...
- Четыре.
- Да не, точно вам говорю, три палочки было!
- Цифра четыре.
- Цифра? А-а-а, это лимонная такая, её ещё в панкейк добавляют?
- Ну... да. Так нарисовал он, и что?
- И таять начал... ой, я такое в кино видела, еще смотрю такая, думаю, а чего это с ним... сначала он такой тусклый стал, прозрачный, а потом исчез...
- Что же, понятно всё... спасибо большое за помощь следствию. Если ещё что-то увидите...
- Ой, если я ещё его увижу, я вообще на месте умру... Ой, а можно я ещё закурю, я так-то месяц не курила... а тут всё случилось, я напугалась так...

- Ну, давайте... рассказывайте...
- Чавось?
- Рассказывайте, что видели.
- Ой, милой... не помню я...
- Да как не помните, были вы там?
- Енто хде?
- Да вот же... в хранилище...
- А-а-а, в хранилище... да вот, вчерась пошла в хранилище, а там ентот...
- Как он выглядел?
- Да вот, махонький такой, щупленький... в хранилищу входит, и давай в бумагах-то рыться... ну мы его шугануть хотели, ишь чего выдумал, наше енто место... Потом рукой махнули, да и черт с ним, нехай бумагой запасёшься, холодно же, зима-то эвон какая стоит... Ну и вот, он в бумагах роется, да так роется, будто ищет чивой-то... мы ему говорим, да чиво роешься, хорошая бумага, сухая, гореть только так будет... а он такой говорит – а нет, мне

особая бумага нужна... и ищет эту, бумагу-то свою особую... полдня искал, рылся... А потом вытащил и к выходу идет, нашел, видать... и взял-то одну бумажечку, мы его уже на смех подняли, ишь, какой, одной бумажечкой как печку-то топить буш... А он кивает, лыбится, ну видно, блаженный, чивой с него взять-то... Вот, к двери подходит, а тут полицейские валом налетели, аки вологодские чайки, давай орать, вы арестованы. Ну уж туту мы на что народ смиренный, и то всполошились, чивой на человека-то напали, али он украл чивой? Всего-то листочек взял, а ору-то, будто казну обокрал, али еще чивой... А они нам всем – всем покинуть помещение, вон пошли отсюда, не ваше дело. Ну, думаю, вот и набрали бумаги-то, вот и истопили-то печку, таперича из-за убогого этого вааще все замерзнем на хрен... зима-то нонеча какая... И ентого, значица, окружают, руки вверх, все такое. А ентот листочек-то на полу растелил, и стоит над ним, руками машет, будто нырнуть тудыть хочет, ну дурной он дурной и есть, чивой с него взять-то... А енти орут, значит – хватай его, вяжи его! А он хоп! – и в газету-то прыгнул. И плюх, как в воду вошел, аж брызги полетели. И енти, полицейские-то, орут, жги его, жги, и к нам, значитца, бегут – а ну, давайте, у кого спички-то есть... Я им спички-то несу, вот, возьмите, сердешные, а они чирк – и бумажку-то енту поджигать хотят. А я им – да чавож делаете-то, изверги, человека ж живого губите! А они мне – а ентон человек опасный, значица, террорист енто. Ну тут меня прям холодом прошибло, прям вся жисть перед глазами – енто ж он мог и нас тут всех взорвать к ядерной фене... Ну вот, значица, тут поджигать бумагу-то хотят, а бумага-то хоп! – и исчезла. Вот так, была и нету... И енти, значица, орут – а-а-а-а, упустили, да какого ж хрена, да у вас руки из жопы, или откуда... И тут бац! – и нету хренилица, ничего нету, в чистом поле стоим. И тута машина, значица, подъезжает, и ентот, главный из полицейских-то приходит, и давай орать, а-а-а-а, упусти-и-и-или, я ком-му сказал, за ним туда прыгать надо, а вы чего, струхнули, да, в штаны наложили, о-о-ой, блин, храбрецы-воины удалые... А мне потом люди умные сказали, енто он в прошлое прыгал, чтобы историю слышь, поменять, и чтобы усё по инакому было...

– Кто это вам сказал такое?

– Да Никитишна сказала...

– И где живет ваша Нитикишна?

– Да хата у ней с краю стоит...

– С какого краю?

– Да возле леса...

– Понятно... спасибо...

– Ты чего делаешь, я тебе как сказал свидетелей убирать? Когда иглой пользоваться научишься? Или мы так до конца жизни и будем направо и налево стрелять?

– Да я только...

– Да ты только... уволю, вот будет тебе только...

– Да чё вы, да я ничё!

– Щас в камеру сядешь, вот будет тебе чё...

– Да я ничё, это Серый всё!

– И Серый с тобой щас сядет... И родителей твоих в полицию... Ну давай, рассказывай...

– Да не я это стекло разбил!

– Да мы не про стекло... давай... рассказывай, что на Варненской видел.

– Девка там была...

– Одноклассница твоя?

– Да не... ну, не девка, ну, тетка...

– Ну, не тетка, ну, дядька... давай, орел, рассказывай... чего эта тетка делала?

– Ну... дядьки за ней гнались...

– Чего хотели?

– Да я почему знаю, чего хотели... Мы с Серым еще спрятались, ну мамка говорила, если там разборки какие, залазь куда и не отсвечивай. Ну вот... там трое за теткой этой бегут, и стреляют, ну чисто как в игре этой, где по людям стрелять надо...

– А она?

– А она в стену врезалась, ну они её в тупик загнали, девку эту... И давай на стене рисовать... Ну, не из баллончика, а чего-то другое у неё было... карандаш... или помада... не...

– Так карандаш или помада?

– Ой, не знаю... чё-то такое достала, и давай на стене рисовать... она там нарисовала чего-то... закорючку такую, черточку...

– Ну-ка, ну-ка, поточнее, какую закорючку с черточкой?

– Да вот...

– Ага... эм-це-квадрат...

– Квадрат, а это про лягушек, да? А я сериал такой видел... Ква-Отряд называется...

– Ну а дальше-то что было?

– Да там лягушки команду спасателей организовали...

– Па-а-арень, мы тебя про женщину спрашиваем, которая убежала...

– А-а, она там нарисовала чего-то, а тут эти трое раз – и исчезли. Только искорка вот такая была, и все.

– Это она их что, со сверхскоростью света отфутболила?

– Похоже на то.

– А её Света зовут? Не, вроде мужики её окликали как-то, Лера, что ли...

– Ты помолчи, пацан, без тебя тошно... Хотя нет, стой, ты мне скажи, а сама-то она... куда делась?

– А, не, стойте, я наврал всё, это она себе эти закорючки про Ква-Отряд нарисовала и в искорку превратилась... А с мужиками она по-другому разделалась... Она это, вот так нарисовала...

– М-м-м... похоже на коллапс в черной дыре...

– ...а парни эти вот так в точку сложились, и всё...

– Ну-ну... та ещё девка... ладно, пацан, молодец... иди домой, смотри свой Ква-Отряд...

– Что-то быстро ты его отпустил...

– Да черт с ним.

– Да-а-а, ловко ты в этих знаках разбираешься... Не боишься, что и тебя тоже прихлопнут?

– Меня прихлопнут, кто им расшифровывать всё будет? Сами, что ли? Да они дважды два посчитать не могут.

– Да, давно спросить хотел, что такое два, я знаю, а ждыдва?

– Да забей...

– Ну что, нашли кого-нибудь?

– В двенадцатом квартале литератор живет...

– ...а на хрена он нам?

– Ну... он литературных героев оживляет...

Денис недоверчиво косится на Леру:

– Ты видела?

– Ага... Он при мне Шерлока Холмса оживил... смотрю, темная тень такая в углу комнаты... и трубку от свечи прикуривает...

– И ты поверила?

– Ну...

– Да, Лера, вроде умный ты человек, а в сказки веришь... тебе парень сказал, а ты и уши развесила...

– Какой парень, ему сто лет в обед.

– Ну, тем более... а вы, Нат Натыч, что подыскали?

– Девушку одну видел...

– Нат Натыч, вы не про девушку давайте, а по делу.

– Так я и говорю по делу, она биолог...

– Мёртвых воскрешает, что ли?

– Ну, мёртвых не воскрешает, но людей исцелить может... её потому и не сдали до сих пор полиции, что люди к ней лечиться ходят... Она на человека смотрит, органы его видит, и молекулы видит, цепочки ДНК... рак вылечить может... мне её знакомый один посоветовал, у меня же спина... Я к ней прихожу, она сидит, ревмя ревет, я спрашиваю, что такое – она говорит, вот, человек с четвертой стадией пришел, я его не выходила...

– Э-э-э... здраствуйте.

– Тебе чего, пацанёнок? Ты дверью не ошибся? Иди, гуляй давай...

– Да Дениска, дадим уж ему чего-нибудь...

– Чего – чего-нибудь, знаем мы чертенят этих... папа-мама на трех работах вкалывают, деточку обеспечивают, а деточка попрошайничает...

– Да не, дяденьки, я это... а вы чудеса всякие умеете...

– Ага, щас тебя в лягушку превратим.

– Да ну, дяденьки, я серьезно... Вы же сами ноете, что учеников у вас нет...

– Кто те сказал, что мы ноем?

– Да знаю я...

– Сарафанное радио донесло?

– Да погодите вы, он и не знает, что за радио такое...

– Ну вот, пацан... вот если два, а рядом еще два, это чего будет?

– Дважды два.

– А если подумать?

– Не... не помню.

– О-о-ох, парень, горюшко ты моё... двадцать два будет. Чем отличается, помнишь?

– Двадцать... это два десять, да?

– Ну, молодец, хоть что-то вспомнил... а вот смотри, вот двойка большая, а рядом чуть над неё двойка поменьше. Это знаешь, чего?

– Это двойка неправильная.

– Не-е, парень, двойка эта самая что ни на есть правильная. Это индекс.

– Ин... индекс... он из Индии, да?

– Не, парень, не из Индии он... это значит...

– ...вы арестованы.

Лера в отчаянии пинает стены камеры, вздрагивает от боли:

– Ччерр-р-рт... выдал пацан... с-сука...

Нат Натыч мотает головой:

– Пацан тут не при чем.

– Чего?

– Не при чем тут пацан... Это Денисик наш постарался.

Лера вздрагивает:

– Ты чего? Как Денисик?

– Так Денисик... математик наш...
– Не, быть не может, чтобы он нас сдал.
– Может, может... думаешь, чего он тебе цветы дарил... глазки строил...
– И что?
– Что, что, а что мы с тобой на Новый Год делали? А тебе про отель Парадиз напомнить?
– И чего? Мы живые люди, я живая, ты живой...
– Так Денис-то тоже живой, ты как хотела... он же тоже не идиот, он же всё понял, что мы там...
– Вот сволочь...

– А вы, значит, следовательно будете? – Лера недоверчиво смотрит на человека в форме.
– Значит, он.
– А Денис ваш...
Человек в форме качает головой:
– А нет уже вашего Дениса.
Лера не понимает, как нету Дениса, неужели уже...
– А я думала, вы его оставите...
Человек в форме усмехается:
– Чтобы он весь мир разнес?
Лера вспыхивает:
– Да ничего бы он не сделал, ничего, как вы не понимаете! Сами нас убить хотите, потом удивляемся, что сдачи даём!
– Ладно... поговорили, и хватит... – человек в форме кивает солдатам, – пли!
Лера не понимает, как пли, почему пли, а суд, а следствие, а...
А всё.
Пли.
Нат Натыч еще пытается подхватить неприметный клочок газеты с пола, Лера еще царапает ногтем на стене камеры квантовые формулы, а поздно, а всё уже, а пли...

– А тебя теперь тоже казнят?
– Меня-то за что?
– Ну... знаешь много... эти свои... ждыдва...
– Не бойся, память стерли. Ну, всё... Покончено с ними...
– Жёстко как-то с ними... смертную казнь-то еще когда отменили, а тут вон как...
– А как не жестко, они же весь мир разнесут. Видел как, два знака нарисует на стене, и начинается черт знает что...
– Ну... они же оба сколько лет на свете жили, и ничего...
– Чего ничего, сегодня ничего, а завтра очень даже чего...

Ярик оглядывается.
Так-то его Ярославом зовут.
А родители Яриком называют.
А если что, стекло Серый разбил, а не Ярик, Ярик тут не при чем.
Ярик оглядывается – никто не видит. Достает баллончик с краской, рисует на стене. Воробато оглядывается, а тот налетят сейчас злые тетки-дядьки, а-а-а-а, это ш-ш-што такое, а-а-а-а, щ-щ-щ-щ-ас-с-с-с мили-и-ицию...
Ярик рисует. Как учили. Хэ, то есть, Икс, это неизвестное что-то. Это весь наш мир можно как неизвестное обозначить, а чего мы про него знаем-то.
А теперь Ярик рисует индекс, он индекс не потому, что из Индии, а потому, что индекс.

Три.

Это три измерения, значит.

А если поставить – плюс один, будет четыре.

Ярик рисует плюс один.

Здоровенная тётёща вываливается из арки:

– Эт-та ш-ш-ш-што т-т-акое, я щ-щ-ас мили-и-и-и-цию!

Электроны в атомах срывает с орбит.

Землю разрывает на куски.

Ярик смеется, вон, как получилось круто. Хватает уцелевший смартфон, смартфон хочет на куски развалиться, Ярик ему развалиться не дает, сделал так, чтобы тот не разваливался. Включает мультики, там новая серия вышла, Ква-отряд, там лягушки спасательную команду организовали...

Октопус

А мы на Октопусе живем.
Это курорт такой на острове.
А у нас тут хорошо.
Кто мы?
Да много кто мы.

Вот Анжела, у неё с Маркусом роман.

А это вот Этти, она по утрам из отеля выходит, заказывает чай с лимоном.

А это Аннпална, как она здесь оказалась... да как все. В Москве квартиру сдает, а здесь живет.

А это Шу Шин, или Чу Чин или еще как, её спросили, как её зовут, так и не разобрали, что она там ответила.

А это... ладно, сами со всеми перезнакомитесь, вон их сколько ходит...

Маркус смотрит винную карту, читает – Брют Резерв, Брют Престиж Розе, Шамбертен Гран Крю...

Вскидывает голову:

– А принесите мне весь список.

Официант не понимает. Или делает вид, что не понимает:

– Простите?

– Принесите. Весь. Список.

– Но...

– ...я сказал, принесите.

Официант сгибается пополам, спешит на кухню.

Люди смотрят на Маркуса с почтением, ишь, какой, сказал – принесите, ему и несут.

Море волнуется – раз.

Да нет.

Море не волнуется.

Чего ему волноваться-то, морю.

Это люди пусть волнуются.

Хотя тоже нет, людям-то чего волноваться.

У нас тут домики над морем, и пирсы, и пляжи есть, и с аквалангом нырять можно, и много еще чего.

– А где Шу Шин?

Это Аннпална спрашивает, она с Шу Шин подружилась, та ей массаж делала.

И все оглядываются – а, правда, а где?

И кто-то говорит:

– А её забрали.

Два или три человека вздрагивают, остальные наклоняются над тарелками.

(на завтрак сегодня омаров подали)

Ван Саныч поднимает бокал:

– Ну... помянем.

Поминают. Царствие небесное, и всё такое.

А у нас еще кровати на воде есть.

Кровать такая круглая, а над ней купол, и всё это по воде плавает. Лежишь себе и на звезды смотришь.

И горка ещё водяная есть, мальчишки на ней катаются, брызги во все стороны летят, уии-и-и-и-и-и!

И дамы в бриллиантах на мальчишек шикают, а ну, угомонились быстро, людям мешаете. И люди в шезлонгах лежат, отмахиваются, да ладно, пусть, пусть играют, жалко, что ли...

Вечер наступил.

Угомонились мальчишки, с кухни картошки наворовали, на берегу костер развели, сидят, картошку жарят. Андрейка у них за жоака, он себе повязку повязал, как у пирата, а мама ему шляпу пиратскую купила.

– А вот мы крушение потерпели, а мы теперь на необитаемом острове. А тута капитан пиратский клад зарыл, а мы искать будем. А на кладе заклятие, а мы откопаем, а оттуда скелет ка-а-ак вылезет!

Мальчишки визжат, ишь ты, целый скелет вылезет.

– А тута мы еще на берегу сидим, а тута из воды осьминог вылезает, во-о-от такенный, а он нас ка-а-а-к схватит!

– Да ну, врешь, не бывает таких!

– Да говорю те, бывает, сам видел! Во-о-т такенный, с дом, и ка-ак за ногу схватит, и ка-а-ак бошку откусит на хрен!

И дама в бриллиантах ка-ак подскочит с лежака своего, ка-ак к Андрейке кинется, это мама Андрейкина, ка-ак за ухо схватит:

– Ты чего? Ты чего, а?

– А... а чего?

– Ты... ты где его видел? Где?

– А... а кого?

– Его, кого... – мама хочет сказать – осьминога, не может сказать, – где видел?

– А... а нигде не видел, а я придумал...

– И чтобы я не слышала даже больше таких придумок, ясно да? Или мигом домой отправишься!

Андрейка всхлипывает. Вот так, пришла мама, всё испортила. Ух, Андрейка этой маме... отомстит. – А вот, придумал, он и правда на корабле уплывет и пиратом станет...

– ...пожалуйста, – официант кладет перед Маркусом преЙскурант, – вам, как вип-клиенту...

Маркус смотрит каталог, погружение с аквалангом, батискаф, водные горки...

Оборачивается.

– Я хочу видеть весь список.

Простите?

– Я. Хочу. Видеть. Весь. Список.

Официант сгибается пополам, спешит в подсобки, несет весь список.

Люди на Маркуса с уважением смотрят, вип-клиент всё-таки, вот так сказал – принесите, – ему и несут.

Маркус читает.

– Полет на дельтаплане...

Анжела вздрагивает:

– Ой, а я боюсь.

– ...на воздушном шаре.

– А давай.

И они пошли на воздушном шаре кататься. А Андрейка канючит, ну ма-а-а, ну я с ними, ну пожа-а-а...

Нет.

Это не Андрейка, это другой кто-то.

– А Андрейка где?

И кто-то спрашивает:

– А Андрейка где?

И кому-то отвечают:

– А его забрали.

И мама Андрейкина вздрагивает, как громом пораженная.

И сидит с каменным лицом.

Ван Саныч хочет сказать – помянем, смотрит на маму Андрейкину, не говорит.

«Как очаровать мужчину на первом свидании».

Это Этти читает.

Готовится.

Ей Франсуа понравился, она его очаровать хочет.

Только ничего у неё не получится, где Франсуа, и где она.

Этти выходит на ужин, тербит нитку жемчуга, нитка рвется, жемчужины – так-так-так – покатались по полу.

Люди оборачиваются.

– А... а где Франсуа?

Это Этти спрашивает.

И официант кланяется, отвечает:

– А он улетел.

– К-куда улетел?

– Домой. В Марсель.

И все вздрагивают.

Кто-то даже бокал роняет.

– К-как... улетел?

– Домой. Улетел.

Люди молчат. Что тут скажешь. Кто-то охает, вздыхает, да это же как, это снова работать надо, это же... и кто-то подхватывает, да, надо бы, я вот два года уже собираюсь... а вы кем работали... да не помню уже, кем...

А мы на Октопусе живем.

Это остров такой.

У нас тут хорошо.

Приезжайте.

А? Да бесплатно всё, мы вам и билеты бесплатно выпишем, только уж извините, билеты не в бизнес-классе, а эконоом, по скромному...

Маркус просыпается.

Оглядывается.

– Анжела?

Анжелы нет, пустая постель.

Маркус идет в темноту ночи искать Анжелу. Зачем Анжела, далась ему эта Анжела, таких Анжел на острове вагон и маленькая тележка, нет же, далась, ходит, ищет Анжелу...

– Анжела?

Анжела идет к морю, нехорошо как-то идет, люди так по своей воле не ходят, тут другое что-то...

– Анжела!

Анжела прыгает в волны, извилистые щупы обвиваются вокруг её тела...

Анжела!!!

...смыкаются волны.

Маркус идет в темноту прибоя, ныряет, ищет то, чего уже нет...

...выныривает.

Отфыркивается.

– Куда спешишь, сердешный, не пришло твое время...

Это Ван Палыч.

Маркус вспыхивает:

– А вы... а вы, значит, смотрите... а сами-то...

– А чего сами, валить отсюда надо...

– Так валили бы!

– Да... на-днях...

– А мне для подводной охоты, пожалуйста...

– Сию минуту.

Продавец несет Маркусу снаряжение, как Маркус просил.

– А помощнее нет?

– Вот, посмотрите список, «Рипус», «Акула»...

Маркус недовольно хмурится:

– А дайте весь список.

– Но...

– Дайте. Весь. Список.

И все с уважением на Маркуса смотрят, вот так, сказал – дайте весь список, ему дали.

Маркус тычет пальцем:

– Вот.

– Но...

– Дайте. Мне. Это.

– А где Анжела?

Это Аннпална спрашивает.

– А забрали её.

Море волнуется, раз.

Вот теперь море волнуется.

Маркус берет оружие, смотрит в темноту волн.

– Постойте... постойте!

Слуга бежит по берегу. Несет что-то.

– Вам, как VIP-клиенту, полагается...

– Да не надо мне ни... а-а-а, постойте-постойте...

Маркус перебирает тяжелые шары, похожие на ёлочные.

Берёт один. Наугад.

Прикладывает к голове, тут же отскакивает:

– А-а-а-а черр-р-р-т....

– Вы осторожнее, осторожнее, так и до инсульта недалеко.

Маркус прикладывает осторожнее.

Маркус ныряет в шумящие волны.

Тишина.

Море волнуется раз.

Бьются о берег кровавые волны.

Море выбрасывает ботинок, из ботинка сочится кровь, чистильщик на пляже подбирает ботинок, вздрагивает, кричит. Вроде не первый день работает, ко всему привык, а такого не ожидал...

...Маркус убирает шар.

Не, не то...

Пробует другой.

– Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни.

Маркус пристегивает. Он тут один уважаемый пассажир.

Закладывает уши.

Стюардессы спрашивают, чего изволит Маркус, Маркус изволит кофе выпить покрепче. Кивает стюардессам, да садитесь, посидим все вместе, угощаю, те смущаются, не положено нам...

Октопус остается позади.

Это остров такой.

Там курорт.

...Маркус убирает шар.

Не то.

Пробует следующий...

Маркус командует сам себе:

Цельсь...

...пли!

Гарпун вонзается в самую гущу огромного клубка щупалец.

Вода становится темно-лиловой, непрозрачной от крови, Маркус быстро – рывками, рывками – всплывает на поверхность.

Ружье потерял.

Ладно, заплатит.

Что-то подсказывает ему, что тот, в глубине океана уже мертв.

Берег покачивается.

Раз, другой, третий.

Остров беспомощно кувыркается, опрокидывается, Маркус видит себя в окружении барахтающихся тел, кто-то орет Маркусу в лицо:

– Ты что сделал-то, идиотина дубовая, это же... это же...

Кувыркается остров, то вверх, то вниз, то одной, то другой стороной, то пальмы и отели над водой, то щупальца...

...Маркус роняет шар.

С трудом приходит в себя.

Пробует еще один шар.

...кто-то швыряет Маркуса на песок, наступает Маркусу на руку:

– И-и-и, думать даже не смей!

Маркус еще пытается возразить:

– Да вы же понимаете, он же... на дне...

– Да отберите у него уже ружье!

– Да дайте ему уже кто-нибудь в морду!

Кто-нибудь отбирают у Маркуса ружье и дают в морду, Маркус понимает, что проиграл...

...отбрасывает шар, хочет швырнуть посильнее, спохватывается – нечего шары бить.

– Ещё есть?

– Да, пожалуйста.

Маркус пробует ещё один шар.

– Так... Руки за спину... все пошли... быстро!

Люди выходят на взлетную полосу, оглядываются:

– А... а автобус не подадут?

Маркус вспыхивает:

– Ещё вам чего, может, на руках вас отнести?

Маркус оборачивается, видит говорившего про автобусы, смотрит на причудливые костыли. Тут же командует, эй вы, двое, кто покрепче, давайте, тащите его, да посторожнее...

Маркус последний в самолет заходит, еще оборачивается, еще смотрит, никто не остался, нет...

Остров молчит.

Поднимаются самолеты, раз, два, три.

– ...уважаемые туристы, приглашаем вас посетить уникальный островной комплекс Октопус, где вас ждет кристально чистое море, белоснежный песок, удивительная тропическая природа, масса развлечений...

Маркус останавливается, что есть силы бьет по экрану.

Люди в форме скручивают руки за спиной.

Маркус идет впереди людей в форме, слышит краем уха:

– ...эта-то на Охтопус свой подалась... их там уже чуть не забрали, хорошо, человек нашелся, их всех чуть ли не под дулом пистолета выгнал... так они опять все туда...

Маркус отшвыривает шар, шар разбивается. Маркус говорит оторопевшему слуге:

– Я заплачу... Ещё есть?

– Вот... последний.

– Давайте.

Люди смотрят на Маркуса.

Люди.

Отдыхающие.

А тут хорошо отдыхать, вон кресла круглые поставили на пляже, камни круглые, свечи с ароматом пачули, цветы... желающим могут массаж сделать, в глину обернуть...

А сейчас отдыхающие смотрят на Маркуса. Как Маркус берет шар...

...гарпун вонзается в хитросплетение шупалец, ломается пополам.

Гибкие щупы оплетают Маркуса, отнимают ружье.

– Молодец, молодец... пойдете.

Гибкие щупы увлекают Маркуса на дно, снимают акваланг, Маркус спрашивает себя, почему он еще жив, еще не захлебнулся водой...

Здесь круглый стол из мрамора.

А за столом шестеро. Нет, семеро, включая того, кто привел Маркуса.

Нет, восемь. С Маркусом.

Маркус оторопело смотрит на свои шупы. Остальные уже делят добычу, а сегодня не густо что-то, да как это, не густо, да вы посмотрите на этих женщин, как на подбор. Вокруг да около крутится официант, наконец, кто-то вспоминает и про него тоже, бросает официанту тело только что задушенной девушки, тот наклоняется, жадно пьет кровь...

Маркус отбрасывает шар.

– Ещё.

– Больше нет.

– Я хочу видеть весь список.

– Но...

– Я. хочу. Видеть. Весь. Список.

Все смотрят на Маркуса.

Все.

Отдыхающие.

Здесь люди отдыхают, здесь песчаный пляж, и океан, и кресла на берегу поставили, и среди камней свечи горят с ароматом пачули, а на ужин сегодня креветки будут...

Не наша не Таня громко плачет

– А-а-а-а-а!

Наша Таня громко плачет. Ну, не наша Таня, не знаю, чья. Ну, может, и не Таня вовсе, кто её знает, как её там зовут. Ну, пусть будет Таня, раз такое дело.

Но громко плачет. Слезами заливается.

– А-а-а-а-а!

И взрослые вокруг, папа-мама-тетя-дядя-баба-деда-и ещё Лизочка, она папина родственница по какой-то там линии – вокруг Тани (не нашей Тани) хлопчут – да как не стыдно, да какая девочка большая, и плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.